

Книга тайн

Борис Воробьёв

Борис Воробьев

Книга тайн

«АРДИС»

2016

Воробьев Б. Т.

Книга тайн / Б. Т. Воробьев — «АРДИС», 2016

«Книга тайн» посвящена удивительным загадкам и нераскрытым тайнам истории. Ее автор, известный современный писатель и путешественник Борис Воробьев, расследует смерть царевича Дмитрия и происхождение Григория Отрепьева, «Завещание Петра I» и судьбу княжны Таракановой, подробности гибели героев гражданской войны Николая Щорса, Василия Чапаева, Григория Котовского и многие другие запутанные исторические «дела»; раскрывает захватывающие факты и рассказывает таинственные мифы о золотом поясе Дмитрия Донского, «сокровищах Трои», короне скифского царя Сайтафарна, идоле северных народов – Золотой Бабе. Отдельная глава посвящена различным мистическим явлениям, в том числе необъяснимым случаям, происходившим в жизни самого автора – странным знамениям, загадочным ночным видениям, удивительным совпадениям и необычным встречам.

© Воробьев Б. Т., 2016

© АРДИС, 2016

Содержание

Глава I	5
Персидский самозванец Гаумата	5
Кем же был Лжедмитрий I?	13
«Княжна Тараканова»: реальности и мифы	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Борис Воробьев

Книга тайн

Глава I

Самозванцы, или «Всклепавшие себе имя»

Персидский самозванец Гаумата

Если судьба занесет вас в Ирак, посетите неприметное с виду селение Бехистун, что расположено в 300 км на северо-восток от Багдада.

Дорога пролегает по древнему караванному пути, некогда связывавшему одну из столиц древнеперсидского государства город Экбатаны (современный Хамадан) с известным всем Вавилоном, где в незапамятные времена цвели знаменитые висячие сады царицы Семирамиды (ныне восстановленные), где, согласно Библии, строилась не менее знаменитая Вавилонская башня, где умер величайший завоеватель древности Александр Македонский и где происходило еще много других немаловажных событий.

Но Вавилон от основания был городом чудес, чего не скажешь о крохотном Бехистуне, однако же и тот вошёл в анналы мировой истории. Почему? Да потому, что именно там находится один из выдающихся памятников мировой культуры – так называемая Бехистунская скала, на которой вот уже две с половиной тысячи лет существуют барельеф и клинописная надпись, вырубленные по приказанию персидского царя Дария I Гистаспа.

На барельефе запечатлена победа Дария, которую он одержал в 521 г. до н. э. над девятью претендентами на царский престол. Все они изображены на камне, и первый среди них – маг, или жрец, Гаумата. Он лежит перед Дарием на спине, его рот открыт в беззвучном крике, и царь попирает его ногой, демонстрируя тем самым свою силу, непобедимость и беспощадность к врагам.

Бехистунская надпись (под этим обычно понимают и сам клинописный текст, и барельеф) сделана на трех языках – древнеперсидском, вавилонском и эламском (языке эламитов, родственном дравидийским языкам): государство Дария было столь обширно (состояло из двадцати провинций – сатрапий, каждая из которых являлась, по сути, отдельным государством) и столь разноплеменно, что общение в нём на каком-либо одном языке было попросту невозможно. Историческая же ценность надписи заключается в том, что именно из нее мир узнал о событиях той далекой поры и о маге Гаумате – первом самозванце, о котором сохранились документальные свидетельства.

Проходили века, создавались и разрушались царства, нарождались и гибли народы, а Бехистунская скала, подобно египетским пирамидам, нерушимо стояла на своем месте. Ее видели римские легионы, когда шли под водительством Марка Красса (победителя знаменитого Спартака) на завоевание Парфии; в ее тени отдыхали воины македонских фаланг; мимо нее проносилась арабская конница пророка Мохаммеда и скакали всесокрушающие тумены Чингисхана. Сотни тысяч людей видели барельеф и надпись, но никто не мог сказать, о чем говорится в ней, – ведь никто в мире не знал мертвого языка клинописи.

Но всякое незнание рано или поздно кончается. История расшифровки клинописных табличек длинна и драматична; в ней были удачи и курьезы, но, в конце концов, нашелся человек, сумевший прочесть клинопись. Им был Георг Фридрих Гротефенд, 27-летний помощник учителя гимназии в немецком городе Геттингене.

В нашу задачу не входит рассказ о подробностях работы Гротефенда над расшифровкой; тех, кто хочет узнать об этом, мы отсылаем к книге К. Кераса «Боги, гробницы, ученые».

К тому же не Гротефенд прочёл Бехистунскую надпись. Он лишь научил других разбирать клинопись; что же касается прочтения знаменитого текста, то это сделал спустя 44 года после Гротефенда англичанин Генри Кресвик Роулинсон. Полный перевод надписи ученый представил Лондонскому королевскому азиатскому обществу в 1846 г. Тогда-то и открылась вся история захвата персидского трона жрецом Гауматой и его последующего ниспровержения.

Но чтобы стали ясны внутренние связи событий, случившихся за пять веков до н. э., необходимо хотя бы вкратце рассказать о том, когда и как сложилась древнеперсидская держава, кто стоял у истоков ее создания и почему обстоятельства повернулись таким образом, что высшую власть в стране захватил не взбунтовавшийся военачальник, не оппозиционный представитель царствующей династии, как то нередко случалось в разных странах, а маг, жрец, которому царская корона как бы и не к лицу.

В ассирийских документах, дошедших до нас с IX в. до н. э., есть упоминание о племенах парсуа и созданном ими государстве Парсуаш. По мнению современных историков, парсуа и являются предками древних персов, населявших в те времена территорию нынешнего Ирана. Возглавляемые вождями из рода Ахеменидов, парсуа образовали многочисленный племенной союз, который со временем стал угрожать даже Ассирии – первой мировой империи древности. В ассирийских же документах есть упоминание и об одном из вождей парсуа, некоем Кире, который жил во времена ассирийского царя Ашшурбанипапа.

Историческая традиция числит этого Кира одним из основателей древнего Персидского царства и присваивает ему первый порядковый номер среди царей ахеменидской династии.

Но Кир I и его соплеменники при всем их могуществе все же были данниками Ассирии, чего уже не скажешь о Кире II, который, объединив в 558 г. до н. э. персидские племена, объявил себя царем Персии и основал столицу государства – город Пасаргады. Однако, освободившись от ассирийской зависимости, Кир II еще целых пять лет подчинялся мидийскому царю Астиагу, которому объявил войну лишь в 553 г. Для победы над мидянами хватило трех лет.

Персы взяли столицу Мидии город Экбатаны, Астиаг был пленен, и Кир II провозгласил себя царем не только Персии, но и Мидии.

Дальнейшие персидские завоевания поражают воображение. В 549–548 гг. до н. э. Кир II захватил Гирканию и Парфию, а через два года – Лидию. Выйдя, таким образом, к Эгейскому морю.

Затем настала очередь государств, расположенных на Иранском нагорье (нынешние Иран и Афганистан), после чего Кир II обрушился на Среднюю Азию, покорив к 539 г. Бактрию и Маргиану, Согдиану и Хорезм. Но эти завоевания были лишь прологом к войне с Вавилонией, о чем Кир II думал не переставая. И час настал – в августе 539 г. до н. э. персидские войска нанесли мощный удар по Вавилону и через месяц захватили его. Вавилонский царь Нибонид был низложен, а город стал одной из резиденций персидских царей.

Таким образом, всего за 14 лет Персидское государство превратилось в огромную державу, границы которой на востоке доходили до Индии, а на западе упирались в Эгейское море. На юго-западе соседом Персии стал Египет фараонов. Однако Кира II постоянно тяготила мысль, что в Средней Азии еще остались непокоренные племена массагетов. Они жили в междуречье Аму- и -Сыр-Дарьи, и в 530 г. до н. э. Кир II пошёл на них войной. Но здесь счастье изменило завоевателя: в одном из сражений он погиб.

На персидский трон взошёл его сын Камбиз. Он продолжил завоевательную политику отца, обратив свои взоры на Египет. В нескольких сражениях 525 г. до н. э. египтяне были разгромлены, и Египет стал персидской сатрапией. Затем Камбиз вторгся в Эфиопию и мечтал

о завоевании Карфагена, но в марте 522 г. из Персии было получено сообщение, что власть там захватил маг Гаумата.

Итак, наш герой выходит на сцену. Обуреваемый всепоглощающей жадой власти, он уже покинул святилище жрецов-магов и вступил в застоявшуюся тишину царских покоев, так опрометчиво покинутых своим хозяином. До трона – один шаг...

Но кто он, этот человек? От его имени, так отличного от имени коренного перса, веет тысячелетней тайной, причастностью к надмирным силам и сокровенным знаниям. Кто он?

Выше уже говорилось, что в начале своего становления персидское государство довольно долго находилось в вассальной зависимости от Мидии, одного из сильнейших государств того времени. Кир II покончил с этой зависимостью и даже подчинил себе Мидию, однако во всех структурах новой державы еще оставалось много мидян, занимавших высокие посты. Особенно сильное влияние они имели в жреческой среде, где их представители, так называемые маги, определяли и направляли религиозную политику страны.

Но почему именно мидяне, а не сами персы контролировали такую важную идеологическую составляющую, какой в любом государстве является религия? Дело в том, что к моменту присоединения Мидии к Персии население последней исповедовало самое натуральное язычество, то есть поклонялось силам природы. Персы почитали солнце и луну, ветер и воду, и главным божеством в их пантеоне был Митра, бог Солнца. Но он еще не достиг того положения, когда культ подобного божества затмевает все другие культы, и в Персии наравне с Митрой поклонялись, например, и Анахите, богине воды и плодородия, и другим, еще более мелким, божествам. А давно известно, что многобожие ослабляет религиозную, а стало быть, и государственную власть.

По-другому обстояло дело в Мидии. Там господствующей религией был так называемый зороастризм, представляющий собой учение, по которому все в мире определяется борьбой двух начал – добра и зла. Само название зороастризм получил от имени пророка и реформатора древнеиранской религии Заратустры (греческая форма имени – Зороастр), жившего предположительно в VII в. до н. э. Суть учения Заратустра изложил в «Авесте» – так называются книги, признанные у древних народов Средней Азии, Ирана, Азербайджана и Афганистана священными.

В разных местах «Авесты» та первичная субстанция, из которой возникло все сущее, называется по-разному – Верховным Существом, Вечной Жизнью, Временем без границ. Наделенная свойствами, непостижимыми для человеческого разума, она сначала воспроизвела свет, откуда возник бог добра Ахурамазда. Затем из этого же света был рожден Ангхро Манья, или Ариман, первоначально столь же чистый, как и Ахурамазда. Но Ариман был к тому же честолюбив и надменен, что сделало его завистливым. Видя это, Верховное Существо осудило Аримана двенадцать тысяч лет пребывать во мраке. За это время борьба между добром и злом должна была кончиться, но Ариман произвел себе в помощь огромное количество злых духов, которые наполнили жизнь страданиями, преступлениями, болезнями.

После трех тысяч лет своего царствования Ахурамазда создал воду, землю, растения, животных и человека. В этом процессе участвовал и Ариман, но его роль заключалась в развращении и уничтожении человека, а также в натравливании злых животных на добрых, то есть в распространении зла по всему лику земли.

Однако Ариман и его помощники рано или поздно должны быть побеждены повсеместно, и в этом исключительная заслуга, как предрекал Заратустра, будет принадлежать человеческому труду. Труд – истребитель зла, и по истечении двенадцати тысяч лет все люди, а также Ариман и его помощники, будут очищены в океане расплавленного металла, и на землю вернется ее первозданная красота и утраченные добродетели.

Конечно, зороастризм, где не было места многобожию, обладал всеми преимуществами перед примитивными языческими культами, и это тотчас поняли отцы-основатели древнеперсидского государства. Особенно привлекателен был для них тезис Заратустры о роли труда, но в их собственном переложении. Правители и вельможи сами предпочитали праздность, но зато требовали неустанного труда от своих подданных, ссылаясь на то, что он – от бога. Демиургу же приписывалось и особое расположение к правителям, что давало возможность обосновать божественность царской власти. И в этом персидским венценосцам усердно помогали жрецы-маги, постоянно внушавшие своей пастве, что царь небесный есть покровитель царя земного.

Пару слов о происхождении слов «маг», «магизм». Они идут от индийской мифологии, в которой говорится о так называемом зеркале Маја. В нём отражается все то, что проявляется внешним образом и существует отвлеченно всегда. Это отвлеченное не имеет определенной формы и не принимает никакого вида. Это – вечная жизнь, материя, а одно из ее свойств – огонь, чей культ являлся главным в зороастризме. Достаточно сказать, что маги из опасения осквернить огонь своим дыханием закрывали себе рты специальным покрывалом.

Маги составляли особую закрытую структуру в государственной иерархии, своего рода касту, власть которой поистине равнялась власти царей. Таким магом и был Гаумата. Постоянно находясь вблизи трона, он в подходящий момент без труда захватил его.

Известие об этом, как мы помним, царь Камбиз получил в марте 522 г до н. э. и, бросив все дела, поспешил в метрополию. Однако по дороге туда умер при невыясненных обстоятельствах (есть версия, что он стал жертвой покушения) и неизвестно даже, в каком месте (назывались два города с одинаковым названием – Экбатаны, но, судя по всему, это не соответствует действительности).

Таким образом, огромная империя осталась без правителя – вместо него на престоле сидел самозванец, но об этом пока еще никто не знал. Вернее, знал лишь один человек – брат Гауматы Патизиф, тоже маг, оставленный Камбизом при дворе как доверенное лицо царя и (если верить Геродоту, описавшему в своей «Истории» заговор Гауматы) ставший главным организатором захвата власти.

Как бы там ни было, но шел месяц за месяцем, минуло полгода после смерти Камбиза, а Гаумата спокойно сидел на троне, и никому не приходило в голову, что страной управляет лжецарь.

Спрашивается: как же получилось так, что все оказались слепы и глухи?

Недоумение разрешает тот же Геродот. Оказывается, у покойного Камбиза был родной брат Смердис (так его называет Геродот, хотя он более известен под другим именем – Бардия), на которого как две капли воды был похож Гаумата. Именно этим и воспользовался Патизиф, разославший после смерти Камбиза вестников по всей стране с объявлением о новом царе (что же касается истинного Смердиса, то его еще раньше умертвили по приказанию Камбиза, скрыв, однако, факт убийства, чем и воспользовался Патизиф).

Но все тайное рано или поздно становится явным. О том, что «в Багдаде не все спокойно», первым заподозрил Отан, один из персидских вельмож, чья дочь Федима была замужем за Камбизом. Следуя персидским обычаям, она после его смерти стала женой Гауматы-Смердиса. Отану показалось подозрительным, что новый царь нигде не показывается и ни с кем не общается. Это было не в традициях персидского царствующего дома, и Отан решил узнать, в чем же тут дело.

«Дочь, – спросил он у Феди́мы, встретившись с ней, – скажи мне, с кем делишь ты свое ложе?»

И услышал в ответ, что Федима и сама этого не знает, поскольку ее новый господин никогда не показывается ей при свете дня. Это еще более усилило тревогу Отана, и он придумал хитроумный, но опасный план, чтобы вывести нового обитателя царского дворца на чистую

воду. Подозревая, что им может быть никто иной как маг Гаумата, он вспомнил, что в свое время Камбиз приказал отрезать Гаумате уши за какую-то провинность. Это была зацепка, и Отан, еще раз встретившись с дочерью, уговорил ее любым способом узнать, есть ли у того, с кем она делит ложе, уши.

Страшась в случае провала быть преданной мучительной казни, Федима, тем не менее, выполнила наказ отца и удостоверилась, что под видом царя во дворце уже восьмой месяц властвует самозванец. Убедившись в правильности своих подозрений, Отан тотчас начал действовать. Призвав на помощь шестерых знатных персов, он посвятил их в тайну Гауматы-Смердиса и предложил начать сбор сил для свержения самозванца. Но Отану возразил один из призванных, Дарий. Промедление смерти подобно, сказал он. Нельзя дожидаться, пока к нам придут сторонники, нужно действовать немедленно.

Все согласились с ним и дали клятву во что бы то ни стало покончить с узурпировавшим трон магом.

Операция была проведена быстро и дерзко. Несмотря на отчаянное сопротивление Патицифа и Гауматы-Смердиса, они были убиты и обезглавлены. Народу объяснили произошедшее, и он приветствовал Отана и его товарищей как героев.

Настало время восстановить в Персии законную власть и подумать о ее устройстве. И вот тут мнения разошлись. Трое из семерых произнесли речи, в которых высказали свое видение того, как надо управлять государствами; эти речи удивительны, и мы вкратце перескажем каждую из них.

Первым выступил Отан. Он сказал, что нельзя вновь передавать власть единоличному владыке. От них – и от Камбиза, и от мага – персы натерпелись достаточно, так зачем же повторять печальный опыт? Полномочия, которыми обладает самодержец, а также богатство и роскошь, его окружающие, развращают единоличного правителя, пагубно влияют на его характер и взгляды. Он становится груб и жесток, недоверчив и подозрителен. Он боится потерять свою власть и готов на любые преступления, чтобы как можно дольше удержать ее. Так не лучше ли передать управление страной в руки самого народа? Ведь народное собрание, которое станет верховным органом управления, никогда не допустит того попрания законов, которое является нормой для самодержца.

Но выступивший вторым Мегабиз не согласился с Отаном. Власть следует отдать олигархии, сказал он, и мнение Отана о народовластии – суждение вредное. Нет ничего хуже разнузданной стихии черни. Народ – это темная, неученая масса, поэтому надо отдать власть узкому кругу умных и богатых людей. Это лучшие люди государства, и они, вне всякого сомнения, будут принимать и лучшие решения.

Однако с Мегабизом не согласился взявший слово третьим Дарий (он и станет новым персидским царем). Полностью поддержав его мнение о народе, он в то же время самым негативным образом отозвался и об олигархии. Ее, сказал Дарий, составляют хотя и умные, но, как правило, безнравственные люди, которые к тому же не способны найти между собой согласие, и, стало быть, будут стараться проводить в жизнь только свои взгляды и решения.

В результате в обществе никогда не наступит стабильность. Таким образом, наилучший образ правления – единовластие; наихудший же тот, что предложил Отан, то есть власть народа, демократия. Она не может быть достигнута в силу множества причин, ее место всегда заступает псевдодемократия, когда под видом народовластия управляет кто угодно, но только не народ. Именно при демократии в общественные отношения проникает низость и подлость и возникает круговая порука среди представителей всех ветвей власти.

Сказано не в бровь, а в глаз, и нам остается лишь восхититься глубочайшим пониманием Дарием вопроса, который сегодня очевиден каждому...

Подведём некоторые итоги.

Согласно Бехистунской надписи, а также «Истории» Геродота, в марта 522 г. до н. э. в древнеперсидской державе произошел государственный переворот. В результате, как сейчас говорят, вакуума власти ее захватили два брата-жреца – Патизиф и Смердис-Гаумата, который, пользуясь своей похожестью на убитого царского брата, от его имени семь с лишним месяцев правил персидской империей. Разоблаченный, он был убит, и царем Персии сделался Дарий I Гистасп, который и увековечил вышеизложенные события в клинописной надписи, донныне сохранившейся на скале в 300 км от Багдада.

Ну а каковы на сей счет мнения ученых? Здесь дела обстоят не так гладко. С тех пор как появилась возможность сравнить Бехистунскую надпись с рассказом о заговоре Гауматы в геродотовой «Истории», историки обнаружили немало расхождений в обоих текстах. Например, неверно заявление Геродота о том, что царь Камбиз умер в сирийском городе Экбатаны. В Сирии такого города нет. Экбатаны находились в Мидии и являлись летней резиденцией персидских царей. Но мы уже говорили, что Камбиз умер по дороге в Персию, не добравшись до Экбатан, и, следовательно, его смерть «привязать» к ним невозможно, как впрочем, и к мифическим сирийским.

То же самое можно сказать и об убийстве Гауматы. Согласно Геродоту, оно произошло в Сузах, тогда как Бехистунская надпись указывает совершенно другое место – крепость Сикай-авати, которая находилась, как и Экбатаны, на территории Мидии.

Откуда такое несогласие? По-видимому, правы те ученые, которые утверждают, что Геродот не знал о существовании Бехистунской надписи. Поверить в это трудно. Ведь когда Геродот начал свои знаменитые путешествия, прошло всего тридцать лет со дня смерти Дария I, и будущий историк шел, что называется, по горячим следам событий, однако с Бехистунской скалой он, похоже, разминуся. Иначе как объяснить тот факт, что о барельефе и надписи в «Истории» Геродота не сказано ни слова?

Путаница, по-видимому, произошла и с магом Патизифом. Несмотря на то, что в рассказе Геродота он является душой заговора по захвату власти, Бехистунская надпись обходит его полным молчанием. Как же так? Почему организатор переворота предан абсолютному забвению?

Возникает вопрос: а был ли Патизиф?

Об этом еще в середине 30-х гг. размышлял выдающийся знаток истории Древнего Востока Борис Александрович Тураев. Он предположил, что Патизиф – не имя, а титул. В древнеперсидском языке он звучал как «пати-кжация», что означало «регент» (вспомним, что Камбиз назначил Патизифа управителем своего дома, то есть регентом).

А теперь мы должны сказать о том, о чем не сказали раньше. Основным информатором Геродота по вопросу о заговоре Гауматы был перс Зопир, правнук одного из семерых вельмож, что свергли мага с престола, – Мегабиза.

Зопир жил в Афинах, где и повстречал его Геродот. Но будущий историк не знал персидского языка, они с Зопиром беседовали на древнегреческом, и когда собеседник Геродота вставил в разговор древнеперсидское слово, означающее титул, принял его за имя собственное. Так «родился» Патизиф.

Предположение академика Тураева, на взгляд автора этих строк, очень остроумно и убедительно. Иначе, как и в случае с Бехистунской надписью, не упомянутой в геродотовой «Истории», чем объяснить отсутствие в наскальной надписи имени Патизифа?

Противоречие некоторых утверждений Геродота тексту Бехистунской надписи видится и в том, что историк, по сути, отказывает Дарию в царском происхождении. В своем рассказе он нигде не обмолвился о том, что Дарий I – Ахеменид. Геродот называет его просто сыном Гистаспа, сатрапа одной из персидских провинций. Конечно, ими управляли высокопоставлен-

ные чиновники, вельможи, однако – не царского рода. Следовательно, и Дарий I, по Геродоту, всего-навсего сын сатрапа, но никак не Ахеменид.

Эту нелояльность «отца истории» по отношению к Дарию I академик Тураев вменял в вину все тому же Зопиру, который жил в Афинах не из охоты к перемене мест, а потому, что был перебежчиком. Именно недовольство Ахеменидами заставило его покинуть родину и обосноваться в Афинах, именно поэтому он постарался всячески очернить в глазах Геродота Дария I, человека, с которого, по мнению Зопира, начался деспотизм в Персидской державе и который был виновником его эмиграции.

Так Ахеменид ли Дарий I или, как склонен был считать Геродот, всего лишь сын наместника персидской провинции?

Большинство ученых разделяют первую точку зрения, но есть и несогласные, считающие, что Дарий I воссел на трон незаконно и что Бехистунская надпись – его придумка, в которой фальшиво все – и генеалогическое древо Дария, и вся история с заговором Гауматы, потребовавшиеся лишь для укрепления Дария I на троне.

Это, так сказать, мнение обвинителей. Ну а мнение защиты, есть ли оно?

Есть, и заключается в следующем.

Во-первых, говорят защитники Дария I, Бехистунская надпись выбита рядом с одной из оживлённых дорог древности, связывавшей Экбатаны с Вавилоном, и уже сам выбор места свидетельствует за то, что Дарий I, давая повеление сделать надпись, хотел, чтобы о ней узнало как можно больше людей.

Во-вторых, надпись составлена на трех языках – опять же с целью ее популяризации.

В третьих, текст повторен еще и на листах папируса, которые разослали по всем сатрапиям империи. В четвертых, защитники Дария I советуют нам присмотреться к его сподвижникам. К ним относятся и уже знакомый читателям Отан, и доселе не упомянутый Гобрий, сыгравший главную роль во время схватки с магами.

Оба эти человека были, без сомнения, людьми отважными и уж, конечно, не стерпели бы узурпации власти Дарием, а разоблачили бы его. Однако и Гобрий, и Отан без раздумий приняли сторону Дария. Да и сам он, если бы являлся незаконно царствовавшим, разве мог, приступая к созданию Бехистунской надписи, так выпячивать ложь о себе? В таких случаях предпочитают скромно помалкивать.

Самое большое недоумение вызывает несовпадение имени брата Камбиза в Бехистунской надписи и в «Истории» Геродота. В первой он назван Бардией, во второй – Смердисом. В чем причина такой разногласия? Возможно, в том, что надпись Дария разделяют с «Историей» Геродота 70 лет, и ученый грек попросту не знал о существовании этой самой надписи, или произошла путаница при его объяснениях с информаторами, что мы видели на примере с Патизифом. Но дело не только в этом.

Наше недоумение в основном относится к тому, что появление загадочного Бардия-Смердиса никак не прокомментировано учеными! Единственное, что делали и делают историки – иногда обозначают самозванца как Лжесмердис или Лжебардия, а если называют просто Смердисом, то указывают в скобках, что так он, дескать, назван в рассказе Геродота. Но почему – об этом нигде ни слова.

Наш рассказ можно было бы на этом закончить, однако сегодняшние реалии таковы, что придётся огорчить читателей неожиданным финалом: не исключено, что мага Гауматы как исторической личности никогда не существовало! По последним данным, версия о нём – все-таки ложная, фактически же 2 апреля (а вовсе не в марте) 522 г. до н. э. власть в Персии захватил настоящий Бардия. То есть никто его не убивал, и никакой маг на троне не восседал. Произошла, как говорится, «разборка» внутри правящего семейства, когда одного его представителя сменил на царском столе другой. Мировая история полна подобных примеров.

Таким образом, в свете последнего сообщения, маг Гаумата – не только не самозванец, но просто-напросто фантом, призрак, игра воображения.

Так ли это, покажут дальнейшие исследования. ...

Кем же был Лжедмитрий I?

Опросите любого жителя России, худо-бедно окончившего среднюю школу, кто такой был Лжедмитрий I, и вам ответят: самозванец, монах-расстрига Гришка Отрепьев, бежавший в Польшу и там объявивший себя царевичем Дмитрием, сыном Ивана Грозного. Такая точка зрения держится в нашей науке до сих пор. Но если дореволюционные историки (Карамзин, Соловьев, Ключевский) оказались жертвами гигантской фальсификации, инициированной Романовыми (подробнее о их воцарении см. «ТМ», № 8 за 1999 г.), то советским и постсоветским исследователям никто не мешал и не мешает восстановить историческую правду. Тем не менее они по-прежнему твердят: Лжедмитрий I есть Григорий Отрепьев.

В истинности этого утверждения начали сомневаться давно. Уже Карамзин намеревался высказаться по сему поводу в «Истории государства Российского», но под давлением правительственных кругов склонился к традиционной версии. А такие историки, как Костомаров, Иловайский, Платонов (крупнейший специалист по русской Смуте), никогда не отождествляли Лжедмитрия I с Отрепьевым.

Скажем, Костомаров в докторской диссертации, озаглавленной «Кто был Первый Лжедмитрий?», ясно показал, почему человек, 11 месяцев (1605–1606) занимавший московский престол, не мог быть Отрепьевым. Иловайский считал, что под именем «царя Дмитрия Ивановича» выступал некий ставленник польско-литовской аристократии, давно мечтавшей подчинить Москву своему влиянию.

Еще дальше зашел граф С. Д. Шереметев, председатель российской Археографической комиссии: он был уверен, что тогда на Москве правил подлинный царевич Дмитрий. По этому вопросу Шереметев переписывался с профессором Петербургского университета К. Н. Бестужевым-Рюминым, и тот, будучи весьма осторожен в оценках, все же отвечал ему в одном из писем: «...теперь я вижу и считаю вероятным спасение Дмитрия...».

Подобное высказывание авторитетного историка многого стоит, и научная общественность страны ждала появления книги Шереметева. Но книга так и не вышла (по вине все тех же Романовых, 300 лет скрывавших свою причастность к самозванческой интриге!), а ее автора расстреляли в 1918 г.

В свете бытующих представлений о личности Лжедмитрия I версию графа Шереметева иначе как еретической не назовешь. Поэтому уместно спросить: а есть ли под ней какие-либо основания?

Для начала надо поставить ряд вопросов, либо совсем не разъясненных историками, либо разрешенных тенденциозно, с поправкой на официальную версию событий.

1. Почему в следственном деле, составленном комиссией князя Василия Шуйского по факту гибели царевича Дмитрия, нет показаний Марии Нагой – бывшей царицы, матери убитого? Почему нет свидетельства врачей? Почему, наконец, тело не осматривали, а сразу отнесли в церковь и выставили охрану?

2. Был ли царевич действительно болен эпилепсией?

3. Почему так подозрительно схожи показания свидетелей, в том числе тех, кто лично не видел, как погиб царевич?

4. Почему стремительно расправились с предполагаемыми убийцами, даже не допросив их?

5. Чем объяснить поведение царского окольничего Андрея Клешнина, когда он увидел в церкви тело царевича?

6. Почему три дня спустя после угличских событий в Ярославле объявился Афанасий Нагой, испрашивающий у Джерома Горсея, торгового агента английского подворья в Ярославле, лекарства для Марии Нагой?

7. С какими целями приплывала на стругах в Углич казацкая ватага донского атамана Корелы, покинувшая город в день убийства царевича?

8. При каких обстоятельствах Григорий Отрепьев получил (да и получал ли?) от инокини Марфы, в миру Марии Нагой, нательный крестик ее сына?

9. Кто был таинственный монах Леонид, спутник Отрепьева в его скитаниях по монастырям? О Леониде рассказывают письменные источники того времени, но ни словом не упоминают нынешние учебники истории.

10. Чем объясняется несоответствие в возрасте между тем, кого принято именовать Лже-Дмитрием I, и настоящим Григорием Отрепьевым?

Если ответить на эти вопросы, сообразуясь с. реалиями жизни, а не подгоняя ответы под официальную версию, сложится картина, совершенно не похожая на привычную, и мы заглянем в такое тёмное закулисье отечественной истории, о коем и не догадывались.

Убийство царевича Дмитрия в Угличе 15 мая 1591 г. послужило своего рода ключом, с помощью которого завели механизм русской Смуты XVII в. Едва о случившемся узнали в Москве, как в Углич отрядили правительственную комиссию во главе с князем Шуйским. Ему помогали митрополит Крутицкий Геласий, окольничий Андрей Клешнин и дьяк Елизар Вылузгин. Они учинили расследование и пришли к выводу, что царевич погиб от несчастного случая – сам накололся на нож во время эпилептического припадка.

Итоги работы комиссии отражены в следственном деле, озаглавленном «Обыск». Долгое время оно пылилось в архиве, но в конце концов попало на глаза исследователям. Тогда и выяснилось, что в нём не хватает весьма важных документов: показаний Марии Нагой, свидетельства о смерти царевича и протокола осмотра его тела. Почему?

Может быть, состояние юриспруденции и медицины в конце XVI в. было таково, что подобные формальности не требовались? Но множество судебных дел, сохранившихся с той эпохи, доказывают: и акт об осмотре тела, и медицинское свидетельство были обязательны. В «Обыске» это правило нарушено. С какой же целью?

Хотя бы ради сокрытия истинного положения вещей. По Угличу ходили упорные слухи, что царевич не зарезался, а зарезан. Что дал бы в таком случае осмотр тела? Вероятно, обнаружили бы множественные ранения (объявлено, что убийц четверо), а не одну рану, и подтвердилась бы версия о заказном убийстве. А поскольку в организации его подозревался правитель Борис Годунов (что, кстати, по сей день не доказано), пришлось спасти его репутацию. И следственное дело фальсифицировали – потому и не оказалось там ни медицинских заключений, ни показаний царицы-матери. Пока удовлетворимся таким ответом на первый вопрос.

Следующий – страдал ли царевич эпилепсией – на первый взгляд кажется неправомерным. Мыслимо ли сомневаться в столь хрестоматийном факте? Да, но нет НИ ОДНОГО документа, датированного ранее мая 1591 г., где упоминалось бы о болезни Дмитрия. Впервые о ней сказано именно в «Обыске», откуда эта информация затем перекочевала во все ученые (и учебные!) труды. Или «черный недуг» царевича тщательно скрывали? Не исключено.

Однако жизнь чаще всего подтверждает поговорку: шила в мешке не утаишь. Как бы строго ни блюли тайну о состоянии здоровья наследника трона, рано или поздно что-то вышло бы наружу. Но никаких «утечек» не зафиксировано.

Кроме того, если царевич болел падучей, кто же поверит, что мать запросто отпустила его во двор играть с ножом?! Ведь для семейства Нагих Дмитрий был не просто родным, а наследником престола – что, во-первых, гарантировало ссыльным Нагим личную безопасность,

а во-вторых, давало им уверенность в будущем. Все знали: царь Федор немощен и вряд ли долго протянет, и тогда на трон взойдёт Дмитрий.

А коли так, ни о какой небрежности надзора за ним не могло идти речи. В подтверждение – два слова о том, как опекали царевича Алексея, больного гемофилией. С него буквально не спускали глаз, за ним ходил по пятам (и нередко носил его на руках) специально приставленный к нему дядька, матрос Деревенко, и, уж конечно, Алексею были запрещены все резвые игры, при которых он мог бы пораниться.

Тут же – поистине идиотский случай: ребёнку, подверженному эпилептическим припадкам, вручают нож и отпускают играть в «тычку» на задний двор! Где он и зарезался, согласно «Обыску», или где его убили, согласно слухам.

С болезнью Дмитрия напрямую связаны показания свидетелей, имеющиеся в «Обыске». Они любопытны тем, что повторяют одно и то же, будто разные люди зазубрили один и тот же текст, как азбуку.

Боярыня Волохова, царевичева мамка (по слухам, соучастница убийства): «Играл царевич ножиком, и тут пришла на царевича та же черная болезнь и бросила его о землю, и тут царевич сам себя ножиком поколол в горло...».

Ирина Тучкова, кормилица: «...как пришла на царевича болезнь черная, а у него в те поры был нож в руках, и он ножом покололся...».

Мария, постельничая: «...и пришла на него болезнь черный недуг, а у него был ножик в руках, и он тем ножиком сам покололся».

Пономарь Огурец: «...и пришла на него старая болезнь падучий недуг, и он ножом сам себя поколол».

Четверо детей, якобы игравших с царевичем в тычку: «...и пришла на него болезнь падучий недуг, и набрушился на нож...».

Завидное однообразие, не правда ли? Все пять свидетельств выглядят как пять унитарных патронов, которыми впору заряжать обойму. Две вещи сразу бросаются в глаза: согласное упоминание о «черной болезни» и согласное же Смерть царевича Дмитрия. утверждение, будто Дмитрий «сам покололся».

Легко поверить, что о падучей знали мамка, кормилица и постельничая, ежедневно общавшиеся с царевичем, но откуда знал пономарь Огурец, человек, далекий от семейства Нагих, и, уж конечно, не посвященный в их семейные тайны? Мало того, именно Огурец единственный подчеркнул, что болезнь – СТАРАЯ!

Тянем ниточку дальше. Истории известно, что 15 мая 1591 г. угличане по указке Нагих убили 12 человек, подозревавшихся в покушении на царевича. Имён восьмерых мы не знаем, четверо же – обвиненные в убийстве – фигурируют в следственном деле. Это отец и сын Битяговские, сын боярыни Волоховой и Никита Качалов. Как на убийц на них показали Нагие. Но разве в интересах последних столь скорая расправа? Ведь она лишала возможности узнать от убийц, кто их подослал!

Опять, как и в эпизоде с ножом, Нагие выглядят людьми исключительной глупости и выдающейся безответственности. Между тем, по крайней мере, глава клана – Афанасий Нагой – отличался умом дальним и острым. Недаром еще царь Иван поручал ему ответственные дипломатические дела! И такой-то человек допустил расправу над людьми, показания которых могли бы предоставить единственный шанс выйти на организаторов заговора против царевича?! Верится, мягко говоря, с трудом.

Но все встаёт на свои места, если предположить, что 15 мая 1591 г. в Угличе убили не царевича Дмитрия, а подставного мальчика. Невероятно? А иначе зачем так строго охранять тело убитого? Без медицинского освидетельствования, повторяю, его сразу отнесли в церковь СВ. Спаса и затем пускали туда только членов московской комиссии и ближайших родствен-

ников. Нагие всеми правдами, а пуще неправдами старались уверить общественное мнение, что царевич погиб, и потому сначала расправились с Битяговскими (чтобы некому было проболтаться о подмене), а затем до предела ограничили доступ к телу (чтобы никто этой подмены не заметил *post factum*). Объясняется и легкость, с какой Нагие отправили мальчика играть в тычку: мальчик-то «фальшивый»!

Следующая загадка – казус, случившийся с Клешниным, когда следственная комиссия вошла в церковь Св. Спаса. По словам летописи, окольный остолбенел и потерял дар речи, едва взглянув на убитого. Что же так поразило его, единственного из членов комиссии, кто знал Дмитрия в лицо? В свое время смелое предположение на сей счет выдвинул писатель Федор Шамагонов: «Он (Клешнин. – Б.В.) увидел тело убитого отрока, а не царевича...».

Можно только гадать, отчего Клешнин не разоблачил подмену сразу же, но нет сомнения, что по приезде в Москву он обо всем подробно доложил правителю. Более того, есть основания считать, что не только Борис Годунов, но и царь Федор ЗНАЛ о мистификации в Угличе и держал ее в тайне. Утечка информации взорвала бы хрупкое спокойствие государства, и Смута началась бы на девять лет раньше.

Объясняется и таинственное исчезновение Афанасия Нагого из Углича в день приезда следственной комиссии. Она, как известно, арестовала всех Нагих, кроме Афанасия, – его не могли нигде отыскать. Он объявился лишь через три дня – в Ярославле, у английского торгового агента Горсея. Нагой сообщил ему о смерти царевича, а также об отравлении царицы – будто бы у нее выпадают волосы и сходят ногти, и он, Афанасий, просит его, Горсея, Христа ради помочь лекарствами. Получив от английского купца нужный настой, Афанасий уехал в Углич, но туда не прибыл.

Очередная мистификация. Зачем она понадобилась? Разве в Угличе не имелось лекарств? Или Афанасий, зная о хороших отношениях между Горсеем и Годуновым, позаботился таким образом, чтобы правитель получил сведения о смерти царевича из «независимого источника»? И поверил сообщению – чего Нагой единственно и добивался. Годунова нужно было во что бы то ни стало убедить, что царевича больше нет, – только тогда удавалось выиграть время, чтобы надежно спрятать Дмитрия.

В тот же день, 15 мая 1591 г., произошло еще одно примечательное событие, отчего-то не привлечшее внимания историков: от угличского причала отошло несколько стругов, принадлежавших донским казакам во главе с атаманом Корелой. Когда они прибыли в город – не так уж важно. А вот зачем... Хотя и этим вопросом можно бы не мучиться, если бы не роль, которую сыграл Корела через 12 лет, став вернейшим соратником Лжедмитрия I. Случайность, конечно, не исключена, но такие случайности бывают только в плохих романах. Скорее всего, визит казаков в Углич – запланированное мероприятие, и, по мнению некоторых исследователей (например, Петра Васильева), струги не случайно отбыли из Углича в тот самый день. Ибо пассажиром одного из них был... живой и невредимый царевич.

Издавна интересовали историков отношения инокини Марфы и самозванца. Почему та отдала нательный крест сына какому-то безвестному бродяге, явившемуся к ней в монастырь одетым в рубище и в сопровождении такого же, как он, оборванца? Мнения специалистов сошлись на том, что Отрепьев получил крест либо с помощью какой-то дьявольской хитрости, либо запугав старицу, душевно ослабленную долгим заточением. Здесь мы подходим, пожалуй, к главному – к личности загадочного монаха Леонида, спутника Отрепьева.

О существовании Леонида никогда не слышали даже студенты первых курсов истфаков. А между тем его личность – ключевое звено самозванческой интриги.

Любой, кто знает – из учебников истории либо из пушкинского «Бориса Годунова» – обстоятельства побега Отрепьева из Чудова монастыря, запомнил и его товарищей Варлаама Яцкого и Мисаила Повадына, бежавших вместе с ним, и считает, что беглецов было трое.

Но исторические документы свидетельствуют о четверых! И первое свидетельство такого рода содержится в «Извете» самого Варлаама (т. е. его показаниях как сообщника Отрепьева по побегу, данных правительству Василия Шуйского, теперь уже царя, в 1606 г.). Автор повествует, как он, не желая вместе с Отрепьевым покидать Киево-Печерскую лавру, просил настоятеля оставить его, на что тот ответил: «Четверо вас пришло, четверо и подите». Позже много спорили, кто же был четвертым; называли провожатых – монахов Ивашку Семенова и Пимена, но в конце концов дружно сошлись на Леониде. О нём упоминают многие источники того времени: «Иное сказание», «Повесть, како восхити царский престол Борис Годунов», «Сказание о царствовании царя Феодор Иоанновича», «Записки» капитана Маржерета, «Хроника» Бусова и т. д.

Но кто же такой Леонид?

Сенсационные сведения о нём отыскивались в синодике Макарьевского монастыря на Нижегородчине. Та поминальная книга, начатая еще при Алексее Михайловиче, предназначалась для занесения в нее лишь имён русских царей, высших церковных иерархов и наиболее знатных бояр и дворян. И в их списке – сразу за митрополитами и архиепископами – указан... инок Леонид! А уж затем идут Мстиславские, Шуйские, Романовы. О чем это говорит? Не о том ли, что спутник Отрепьева, с которым тот посетил инокиню Марфу (Марию Нагую) в монастыре и которому она отдала нательный крест царевича Дмитрия, и был самим царевичем? Подчеркиваю – Марфа отдала крестик именно Леониду, а не Отрепьеву!

Такой вывод кажется шатким лишь на первый взгляд. О том, что Лжедмитрий I и Отрепьев – разные люди, говорили как их современники, так и ученые более поздних времён. Григорий Отрепьев – лицо, несомненно, историческое, но он старше Лжедмитрия I минимум на 10 лет. Последнему в описываемый период было года 23–24, чему есть документальные подтверждения (хотя бы письмо папского нунция в Кракове – Рангони), тогда Отрепьеву – не менее 36.

Позвольте, спросит читатель, разве можно рассуждать о возрасте Отрепьева, коль скоро точная дата его рождения неизвестна? По официальной версии, он появился на свет на рубеже 70-х – 80-х гг. XVI столетия... Оказалось, кое-какие сведения о его жизни сохранились в истории церкви. В частности, описываются торжества в Пскове и Новгороде в честь одного из святых в 1597 г.: на них присутствовал ни кто иной как дьякон Григорий Отрепьев! Представлял он там особу патриарха Иова, и тот даже поручил Отрепьеву составить канон в честь святого. Дьякон его составил и ПОДПИСАЛ ТЕКСТ! Следовательно, появилась возможность сравнить почерки Отрепьева и Лжедмитрия I. Так вот: анализ не выявил между ними никакого сходства!

Но вернемся к возрасту Отрепьева. Итак, в 1597 г. он служил дьяконом. По церковным правилам, этот чин давался человеку не моложе 29 (прописью – двадцати девяти) лет от роду!

Значит, в 1605 г. Григорию Отрепьеву было не менее 36 лет. Если на московский трон сел именно он, то как ему «удалось сбросить» как минимум 12 лет?

Зато стоит допустить, что на русском престоле тогда сидел не самозванец, а подлинный Дмитрий Иванович, как тотчас разъясняются все странности и нестыковки. Другое дело, что общественному мнению трудно отказаться от стереотипного взгляда на вещи. Слишком долго людям внушали, что «царь Дмитрий Иванович» есть Лжедмитрий I, а тот, в свою очередь, есть Григорий Отрепьев. Зачем внушали – тема особая.

Каков же общий вывод? Видимо, только один: обстоятельства гибели царевича Дмитрия в Угличе в том виде, как они изложены в «Обыске», в полной мере не отражают случившегося. Не исключено, что царевича спасли и что именно он царствовал на Москве в 1605–1606 гг. А что касается его «неправильного» поведения, отмеченного современниками... Да, царь Дмитрий нарушал русские обычаи и обряды, неверно прикладывался к иконам, говорил с заметным акцентом. Что ж удивительного – целых 12 лет, причем с раннего детства, Дмитрий жил среди

«ляхов»! Он вполне мог не только основательно подзабыть уклад русской жизни, но и приобрести польский акцент, впоследствии так смущавший москвитов.

«Княжна Тараканова»: реальности и мифы

Арест в Ливорно

С утра 21 февраля 1775 г. набережную небольшого итальянского города Ливорно заполнили толпы людей. Судя по оживленным разговорам, все ждали какого-то красочного представления. А оно и в самом деле готовилось: как стало известно, в этот день русскую эскадру, стоявшую на рейде Ливорно, должны были посетить великая русская княжна и ее жених, граф Алексей Орлов-Чесменский, командующий морскими силами России в Средиземном море. Приезд столь высоких гостей не мог не сопровождаться торжествами, и толпа на берегу с нетерпением ожидала прибытия принцессы и графа.

Наконец они появились, и великая княжна, бережно поддерживаемая под руку Орловым, пересела из кареты в шлюпку, доставившую ее к борту «Исидора», корабля, на котором держал свой флаг командир эскадры контр-адмирал Самуил Грейг. Великую княжну подняли на палубу, и над рейдом раздалась музыка корабельных оркестров; матросы, стоя на реях, украшенных флагами расцвечивания, кричали «ура!»

Встреченная Самуилом Грейгом, принцесса обошла корабль, приветствуя выстроившихся офицеров и матросов, после чего избранное общество направилось в адмиральскую каюту, где уже был накрыт роскошный стол. Последовали многочисленные тосты, кубки едва успевали наполнять. Затем все снова вышли на палубу, поскольку начались корабельные маневры.

Великая княжна была в восторге от зрелища. Захваченная им, она потеряла ощущение времени и очнулась лишь после того, как почувствовала какое-то движение у себя за спиной. Оглянулась и увидела караул с гвардейским капитаном во главе. Ни графа Орлова, ни адмирала Грейга, которые только что стояли рядом, нигде не было.

– Что сие означает? – спросила великая княжна.

Начальник караула положил руку на эфес шпаги:

– По именному повелению ее императорского величества вы арестованы!

Княжна не проявила ни малейших признаков страха.

– Немедленно позовите графа Орлова! – приказала она тоном, не допускающим возражения.

– Граф, как заговорщик, арестован по приказанию адмирала, – отвечал начальник караула.

Это был заведомый обман, но женщина, называвшая себя великой русской княжной, не знала, что стала его жертвой, и по-прежнему настаивала на немедленном свидании с графом Орловым. Пришлось применить силу.

Под конвоем солдат ее отвели в каюту и заперли там вместе с камердинером и служанкой.

Особа, чей арест мы только что описали, считается одной из знаменитейших самозванок всех времён и народов, носившей множество имён: дочь гетмана Разумовского, принцесса Волдомир, внучка шаха Надира, персидская княжна Апи-Эмете, Азовская принцесса, фрау Шолль, г-жа Франк, мадам де Тремуиль, княжна Радзивилл, пани Зелинская, графиня Пинненберг, «последняя из дома Романовых княжна Елизавета». И хотя она никогда не называла себя княжной Таракановой, именно это имя навсегда пристало к ней и прославило ее в истории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.